

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-47-62>
EDN: OVHZFD

Научная статья / Research Article

Русский нигилизм и китайская мысль: опыт интеграции в контексте традиции

Д.Д. Романов¹ , Лю Яюе²

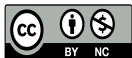
¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Пекинский университет, Пекин, Китай

 romanov-dd@rudn.ru

Аннотация. Исследование рецепции русского нигилизма китайской мыслью на сегодняшний день оказывается весьма актуальным как из-за социокультурных вызовов, встающих перед обеими цивилизациями, так и в связи с внешнеполитической обстановкой вокруг них, процессами глобализации и поляризации. Нигилизм как мировоззренческая парадигма возникает в эпоху кризисов, но несмотря на то, что состояние международной политики сегодня может быть расценено как системный кризис, современное научное сообщество до сих пор не уделяет должного внимания вопросам нигилизма как элемента межкультурных коммуникаций. Авторы ставят целью проследить механизмы рецепции русского нигилизма китайской мыслью и своеобразие его интеграции в социокультурной среде традиционного общества. Использование метода интерпретации феномена нигилизма через призму отечественной философии позволяет выделить существенные особенности его генезиса, духовные основания и аксиологические смыслы. Метод компаративистики, включающий в себя как концептуальный, так и историко-философский анализ, позволяет дать всесторонний теоретический охват феномена нигилизма и смежного с ним понятия «ничто» в рамках традиций китайской философии, унаследовавшей нигилистические тенденции из русской мысли. Такой ракурс необходим ввиду неочевидности ситуации взаимоисключающего присутствия нигилизма и традиционных ценностей в рамках целостного мировоззрения. Авторы приходят к выводу, что если русская философия видит в нигилизме радикальное отрицание духовных ценностей, которые признаются фундаментом традиционных, а, следовательно, стремится преодолеть его, то ситуация в китайской философии, не делающей характерной для западного мышления строгой дифференциации идеального и материального, иная. В ней оказывается возможной интеграция нигилистического проекта в традиционную систему ценностей, что отвечает принципу гармонии противоположностей и находит отражение в китайских религиозно-философских учениях. Однако сама концепция «ничто» должна быть понята ей в традиционном даосском, конфуцианском или буддийском ключе, что позволит говорить о специфическом китайском нигилизме, относительно которого перенятый в начале XX в. через влияние русской мысли западноевропейский нигилизм выступает антитрадиционным и деструктивным явлением. Таким образом, и китайская традиционная

© Романов Д.Д., Лю Яюе, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

философия, и русская философия, апеллирующая к духовным ценностям и принципу всечеловечности, вырабатывают способ преодоления того типа нигилизма, который характерен для западноевропейской мысли. Этот способ основывается на понимании неразрывности и органичного слияния традиции и современности.

Ключевые слова: культурный диалог, традиционные ценности, китайская философия, русская философия, ничто, всечеловечность

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, связанных с рукописью и обусловленных финансовыми отношениями, службой или работой в учреждениях, имеющих финансовый или политический интерес к публикуемым материалам, должностными обязанностями и прочими ситуациями, способными повлиять на авторов рукописи и привести к сокрытию, искажению данных или изменению их трактовки.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Фонда государственных общественных наук Китая в рамках проекта для молодых ученых «Грант № 23CSS016».

История статьи:

Статья поступила 20.09.2025

Статья принята к публикации 09.12.2025

Для цитирования: Романов Д.Д., Лю Яюе. Русский нигилизм и китайская мысль: опыт интеграции в контексте традиции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2026. Т. 30. № 1. С. 47–62. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-47-62> EDN OVHZFD

Russian Nihilism and Chinese Thought: The Experience of Integration in the Context of Tradition

Dmitriy D. Romanov¹, Liu Yayue²

¹*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

²*Peking University, Beijing, China*

 romanov-dd@rudn.ru

Abstract. The exploration of nihilism in the context of traditional values concept formation concept in Russia and China is currently very relevant both because of the socio-cultural challenges facing both civilizations, and in connection with their foreign policy environment, the processes of globalization and polarization. Nihilism as a worldview paradigm arises in an era of crises, but despite the fact, that the political situation in the world may well be understood as a systemic crisis, the scientific community still does not pay due attention to the issues of modern nihilism as an element of intercultural communication. The authors aim to trace the mechanisms of Russian nihilism's reception by Chinese thought and its unique integration into the socio-cultural environment of traditional society. The use of interpreting method of nihilism phenomenon through the Russian philosophy prism allows us to identify the essential features of its genesis, spiritual foundations, and axiological meanings. The comparative method, which includes both conceptual and historical-philosophical analysis, allows for a comprehensive theoretical coverage of the phenomenon of nihilism and the related concept of "nothing" within the traditions of Chinese and Russian thought. This perspective is necessary due to the

unobviousness of the mutually exclusive presence of nihilism and traditional values within the framework of a same worldview situation. The authors conclude that if Russian philosophy understand nihilism as a radical denial of spiritual values, which are recognized as traditional, and therefore seeks to overcome it, then the situation in Chinese philosophy, which does not make a strict differentiation of ideal and material, unlike Western philosophy. It makes it possible to integrate the nihilistic project into the traditional value system, which corresponds to the principle of harmony of opposites and is reflected in Chinese religious and philosophical doctrines. However, the concept of “nothing” itself should be understood in the traditional Taoist, Confucian or Buddhist way, which will allow us to speak about specifically Chinese nihilism, regarding which Western European nihilism, adopted at the beginning of the 20th century through the influence of Russian thought, is an anti-traditional and destructive phenomenon. Thus, both Chinese traditional philosophy and Russian philosophy, appealing to spiritual values and the principle of all-humanity, are developing a way to overcome the type of nihilism that is characteristic of Western European thought. This method is based on an understanding of the continuity and organic fusion of tradition and modernity.

Keywords: cultural dialogue, traditional values, Chinese philosophy, Russian philosophy, nothing, all-humanity

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the manuscript.

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest related to the manuscript due to financial relationships, service or work in institutions with a financial or political interest in the published materials, official duties and other situations that may affect the authors of the manuscript and lead to concealment, distortion of data or a change in their interpretation.

Funding of Sources. The research was supported by the support of the State Social Sciences Foundation of China within the framework of the project for young scientists “Grant No. 23CSS016”.

Article history:

The article was submitted on 20.09.2025

The article was accepted on 09.12.2025

For citation: Romanov DD, Liu Yayue. Russian Nihilism and Chinese Thought: The Experience of Integration in the Context of Tradition. *RUDN Journal of Philosophy*. 2026;30(1):47–62. (In Russian) <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-47-62> EDN OVHZFD

Введение

Китайские философы начали знакомиться с феноменом русского нигилизма в начале XX в., однако системный и многоаспектный характер эти исследования приобрели уже в нашем столетии. Русский нигилизм преимущественно рассматривается в Китае как интеллектуальная тенденция, разделившая отечественную интеллигенцию на два направления, характеризующихся идейными позициями тех, кто принял нигилизм и тех, кто выступил с антинигилистической риторикой.

Стоит отметить, что по количеству публикаций и масштабу исследований антинигилистическое направление русской мысли является для

современных китайских философов более привлекательным. Это может быть связано с тем, что китайская мысль, настороженно относящаяся к отвлеченным построениям и тесно связанная с социокультурным праксисом, старается заимствовать из наследия русских философов-антинигилистов эффективные методы и подходы к преодолению деструктивного влияния нигилизма на традиционную систему ценностей современного китайского общества. Китайские философы осознают значительные недостатки революционного радикализма и тенденций к крайнему отрицанию консервативных ценностей. Среди наиболее значимых фигур в этой области — Чжу Цзяньган, специалист по русской антинигилистической литературе, и Чжоу Лайшунь, исследователь антинигилистической философии Серебряного века. Монография Чжу Цзяньгана «Исследование русской антинигилистической литературы второй половины XIX века» (2015) [1] на китайском языке прослеживает развитие антинигилистической прозы и публицистики от XIX в. до Серебряного века, анализируя творчество Н.Н. Страхова, М.Н. Каткова, Н.С. Лескова, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского и раскрывая идейное содержание их произведений. Чжоу Лайшунь, в свою очередь, опубликовал ряд влиятельных статей на китайском и русском языках, посвященных рефлексии нигилизма у религиозных философов «Вех» (прежде всего, С.Л. Франк и Н.А. Бердяев), включая статью «Проблема нигилизма в русской философии Серебряного века» [2]. Вместе с тем, при том, что наследие таких выразительно антинигилистических мыслителей, как Н.Я. Данилевский, С.Л. Франк, И.А. Ильин, в целом хорошо изучено в Китае, специальный анализ их работ именно в ракурсе проблемы нигилизма пока остается пробелом в научной среде.

Однако среди современных китайских исследователей, освещающих тематику нигилизма, есть и ряд приверженцев некоторых его аспектов, а также идеи их практического применения. Такие ученые, как Ма Луншань и Лю Яюе, выявляют позитивную сторону во взглядах Д.И. Писарева, М.А. Бакунина, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского и других. Как представил Чжао Шунин: «В Китае пока мало ученых, сосредоточивших свое внимание на взглядах Д.И. Писарева, представителя русского нигилизма. В этом направлении значительное место занимают исследовательские работы Ма Луншаня (马龙闪, Ma Longshan) и Лю Яюе (刘雅悦, Liu Yayue), которые от других оценок отличаются, скорее, в положительную сторону» [3. С. 374]. Нигилистические идеи Бакунина и Писарева, с их точки зрения, представляют собой не эксцентричное или аффективное по сути своей интенции отрицание, но имеют в своем фундаменте хорошо построенную логику и обоснованную мотивацию. Однако вне той среды, где эта мотивация была органична, то есть среды западноевропейской, русский нигилизм быстро оказался в обличающем внимании религиозной философии, чего не было на Западе. Китайская же традиция как среда оказалась открытой для интеграции, и в ней происходила рефлексия двойственности (как и сама мысль развивается вокруг идеи бинарности) фундамента нигилизма — понятия «ничто». Сам такой подход к

методу интерпретации явлений отражает диалектическое и комплексное восприятие русского нигилизма китайскими философами. Значимым положением в нигилистической теории указанных китайских исследователей является понимание лежащего в основании нигилизма онтологического отрицания как феномена, схожего с рядом фундаментальных концепций, оформляющих традиционное китайское мышление. Поэтому русский нигилизм берется здесь не в качестве готового инструмента для реализации некоторых социокультурных практик, но интегрируется в культуру, трансформируясь логикой самой этой культуры. Для более детального выявления данного положения нужно, во-первых, уточнить, что именно понимается под «русским нигилизмом», во-вторых, исходя из необходимости увидеть контекст, требуется сравнение характера рефлексии взаимодействия нигилизма и традиционных ценностей в русской и китайской философии, в-третьих, выделить уникальность интеграции нигилистического мировоззрения в систему традиционной культурной аксиологии Китая.

Нигилизм (от лат. nihil — «ничто») — это интеллектуальная тенденция, подразумевающая бунт против общепринятых истин, ценностей, норм, а в предельном понимании — сущего как такового. В западной философии систематическое обсуждение и концептуализация нигилизма начались в XIX в., и это было связано, прежде всего, с концепцией морали Ф. Ницше, утверждавшего, что нигилизм представляет собой «самоупражнение высших ценностей» [4. Р. 9], обуславливающее новую онтологию культурно-цивилизационных процессов западноевропейского мира. Нигилизм противопоставляется тому, что сегодня принято называть устойчивым термином «традиционные ценности»: «Традиционные ценности можно определить как ценности консервативные, выражающие идеологическую приверженность традиционным порядкам, социальным и религиозным доктринам. За главную ценность принимается сохранение традиций общества, его институтов и ценностей» [5. С. 73]. Таким образом, на первый взгляд, нигилизм и традиционные ценности кажутся взаимоисключающими социокультурными феноменами, сопричастие которых в рамках цельной мировоззренческой системы невозможно. Традиционные ценности, будь то примат духовного над материальным в России или конфуцианские идеалы в Китае, становятся объектом сомнения и отрицания для нигилистов. Классический образ такого нигилиста был создан И.С. Тургеневым в романе «Отцы и дети» (1862 г.), где устами главного героя провозглашается: «Нигилист — это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип» [6. С. 425]. Для традиции, же, напротив, фундаментально важными являются авторитет и вера.

Однако в случае с сопоставлением русской и китайской философских подходов очевидность отмеченного выше взаимоисключения концепции традиционных ценностей и нигилизма можно поставить под сомнение. Данное

исследование заостряет внимание на нюансах интеграции нигилистического проекта в социокультурное пространство, что позволяет как глубже проникнуть в своеобразие рецепции русского нигилизма в Китае, так и уточнить в этом контексте понимание сущности нигилизма и лежащего в его основе онтологической категории «ничто».

Русская мысль о противостоянии нигилизма и традиции

В наиболее общем виде классификация русского нигилизма происходит по двум направлениям: по отношению к духовным ценностям и в качестве противостояния самой культуре в ее понимании как прививки элементов западноевропейской ценностной системы. Но и в первом, и во втором случае (пусть и имплицитно) речь идет о крайнем материализме и утилитаризме, об отрицании трансцендентных сущностей и духовных ценностей, и в этом смысле справедливо высказывание Н.Я. Данилевского о том, что «нигилизм... есть дитя общей нашей болезни — подражательности» [7. С. 251]. С другой стороны, нигилизм выступает попыткой конституирования границ идентичности, защитной реакцией со стороны формирующейся субъектности, но в должное время не умеренной и ставшей целью, а не средством. Так «на русской почве развивался совершенно особый вид нигилизма, соединяющий в себе, с одной стороны, вялость в развитии оригинальной самостоятельной мысли, и с другой, — впитывающий, как губка выработанные в западноевропейской философии предчувствия и интуиции» [8. С. 28]. Нигилизм как средство защиты идентичности выступает угрозой для самого субъекта, изолирующегося от системных связей и тем лишаящего себя содержания, поскольку он (цивилизационный субъект) отвечает специфичной для России логике *всесубъектности*. Этот тип гностического нигилизма, привнесшего радикальный дуализм в западную религиозность, что стало нормативным для нее, но вызвало острые противоречия при интеграции в отечественную православную культуру. В.В. Варава отмечает: «В православии есть нигилистическая программа по отношению к миру культуры» [9. С. 23]. Здесь автор развивает мысль Н.А. Бердяева, отмечающего, что в западной цивилизации обострение противоречий внутри единой культуры не столь существенно. Так во французской мысли доминантами оппозиционных типов мировоззрения выступают догматизм и скептицизм, в германской — мистицизм и критицизм. Но эти оппозиции примиряются либеральными механизмами допущения и релятивизма, в котором нет ничего окончательного, как нет покоя в гностически расколотой душе Фауста. «Русский же — апокалиптик или нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе. Русский случай — самый крайний и самый трудный» [10. С. 64], — заключает Бердяев. Под апокалиптичностью понимается радикальное отрицание профанических ценностей, лишенных религиозной санкции. Поляризация нигилизма и апокалиптичности — симптом глубокого мировоззренческого кризиса сомнения. Д.С. Мережковский в одно время с Бердяевым

говорит о симптомах духовного бессилия: «Явление редкое в конце XIX в. — человек, абсолютно чуждый сомнений. Чтобы так безусловно верить в какую бы то ни было святыню, надо иметь силу» [11. С. 56], и также отмечает сходство антирелигиозного нигилизма и фанатичной проповеди самоуничтожения в русских гностических сектах [11. С. 110]. С.Л. Франк указывает на нигилистический и моралистический настрой русской интеллигенции: «Морализм русской интеллигенции есть лишь выражение и отражение ее нигилизма» [12. С. 261], а поклонение общественному благу в отрыве от цельного миропонимания, включающего как принятие достижений научного прогресса, так и религиозность, ведет к обесмысливанию жизни. Цель как ценность теряется, и предметом стремления становятся средства. И Бердяев, и Франк публикуют свои статьи о нигилизме в сборниках, посвященных двум революциям («Из глубины» и «Вехи») — политический переворот, по их мнению, своей причиной имеет нигилизм. При этом философы указывают не на ценностный релятивизм, а, напротив, на бескомпромиссный эссенциализм русской мысли, утверждающий абсолютную сущность как основание культурного кода. Отсюда возникает всегда актуальный вопрос ценностного выбора: как найти эту абсолютную сущность, снимающую гностико-манихейское противостояние двух начал?

Значимыми концепциями русской философии являются цельность («цельное знание») и всеединство. А.В. Смирнов, исследуя проблему культурного кода российской цивилизации через анализ воззрений ключевых представителей интеллигенции XIX–XX вв., приходит к заключению, что этим кодом является *всечеловечность* — реализация логики всесубъектности в социокультурном пространстве. «Всечеловеческое предполагает самоценность и нередуцируемость логик каждой из культур, составляя важнейшее обоснование многоцивилизационного проекта» [13. С. 26], а в основании лежит принцип примирения и «всемирной отзывчивости» (по Достоевскому). Ни один из типов нигилизма неприемлем в рамках всечеловечности, поскольку нигилизм предполагает монадическую изоляцию от иного и атомизацию вместо всесубъектности. Индивидуализм отказывает общностям в праве на самостоятельную реальность. Всечеловеческое же, противопоставляемое *общечеловеческому*, космополитически безразличному и в этом смысле не признающему фиксированных идентичностей в общностях, предполагает культурно-историческое фундирование традиционных ценностей как «базовых, фундаментальных и системообразующих для функционирования общества ценностей», выступающих «основой идентификации личности и общества в системе взаимоотношений с другими личностями и обществами» [14. С. 79]. Отмечается, что «мировоззренческими основаниями концепций традиционных ценностей можно считать ряд устойчивых, исторически сформировавшихся идеологем, которые долгое время определяли специфику национального самосознания и цивилизационной идентичности России» [14. С. 81]. Нигилизм, требующий отказа от традиций и идеологем, но не

предлагающий пересборки нового аксиологического пространства, не может быть интегрирован в эту систему и оказывается органически чуждым для мультикультурной цивилизации с принципом всесубъектности.

Однако следует отметить, что вышесказанное должно быть утверждено пока лишь для российской цивилизационной идентичности. Анализ рецепции нигилизма требует непредвзятого исследования его взаимоотношений с традиционными ценностями в философии Китая.

Интегрированность нигилизма в контексте китайского традиционализма

Перевод романа «Отцы и дети» на китайский язык в начале XX в. оказал глубокое влияние на китайскую интеллигенцию, а знакомство китайской мысли с концепцией современного нигилизма произошло посредством русского влияния. Произведения Тургенева, Чернышевского, Степняка-Кравчинского и Бакунина, а также распространение политических идей русских народников и народолюбцев вызвали у интеллигенции периода конца династии Цин живой интерес к философским основам нигилизма и их потенциальному применению в социальной практике. Синтезируясь с воззрениями западноевропейских мыслителей, эти тенденции актуализировались в революционных движениях («Движение за новую культуру» и «Движение 4-го мая»), нанесших удар по тысячелетней традиционной системе ценностей феодального Китая.

Однако с позиции китайской философии взаимодействие между нигилизмом и традиционными ценностями не ограничивается противостоянием. Причина интегративности китайской культуры кроется в ее всеобъемлющей многогранности. Основные ценностные установки китайской цивилизации имманентны как минимум трем учениям: конфуцианству, китайскому буддизму и даосизму. Примечательно, что буддизм и даосизм содержат глубокую связь с философской концепцией «ничто» (суй-у, 虛無), оказавшей существенное влияние на становление традиционных ценностей. В древнекитайской мысли можно обнаружить элементы восхищения «ничто» и своего рода нигилизма, который органично вплетается в традиционную систему ценностей. Такой специфический *даосско-буддийский нигилизм* не противопоставлен традиции, а конституирует ее, выступая созидательной силой.

Начиная с эпохи Западной Хань, когда Дун Чжуншу выдвинул идею отмены всех школ, кроме конфуцианства, конфуцианские ценности стали официальной основой китайской традиционной системы. Как отмечают М.Е. Кравцова и Чжан Бин: «В европейских философских дефинициях конфуцианство есть социально-этическая антропология — учение о человеке как члене социума и проблемах государственного устройства» [15. С. 65]. Конфуцианские ценности наиболее полно выражены в этической системе «трех устоев и пяти постоянств», сформировавшей общие черты китайской традиционной философии — синтез «необходимого» (онтология и эпистемология),

«должного» (ценностные установки) и «сущего» (практика). Например, конфуцианская «гуманность» одновременно является моральным идеалом («должное»), основана на врожденной доброте человека («необходимое») и реализуется на практике («сущее»). Чжао Фуцзе отмечает: «Ценностное мышление китайской философии, особенно конфуцианства, представляет собой интегративный тип мышления... Его ключевое преимущество — стремление к единству ценности и факта, „должного“ и „сущего“» [16. С. 445]. Д. Холл и Р. Эймс подчеркивают, что «коррелятивное мышление» (correlative thinking) китайской философии отвергает дихотомию факта и ценности в отличие от западной «субстанциональной мысли» [17. Р. 17–22]. Глубокая интеграция «необходимого», «должного» и «сущего» в китайской традиционной системе ценностей формирует принципиальное отличие от дуалистической традиции, доминирующей в западной философии.

В отношении последней интерес представляет работа Й. Кулиану, где автор обосновывает теорию влияния гностицизма на формирование современного западного нигилизма. Гностицизм предполагает разделение бытийной целостности на полярности трансцендентного и имманентного, одна из которых объявляется неистинной и обречена на уничтожение, однако, именно она конституирует исторический континуум. И если до XIX в. западный нигилизм проявлялся как «самый мощный *метафизический* нигилизм в истории западных идей» [18. С. 230], то современный нигилизм, напротив, *антиметафизический*. Само обнаружение такой полярности и напряженного противостояния в ее пределах указывают на связь гностицизма и нигилизма, проходящую через всю интеллектуальную историю Запада.

Китайская традиционная мысль, оберегаемая конфуцианством, не испытывает влияния гностицизма. Отметим, что русская философия всеединства также выступает как альтернативой западному дуализму, так и близким по интегративному потенциалу китайской традиции. «Коррелятивное мышление» находит свое отражение в русском учении о триединстве блага, истины и красоты как желаемого, идеального и реального. Соловьев пишет: «Для своей настоящей реализации добро и истина должны стать творческой силой в субъекте, преобразующей, а не отражающей только действительность» [19. С. 394]. Поэтому данной традиции русской философии, исходящей из платонизма и христианского этического мистицизма, нигилизм представляется явлением, разрушающим самую основу человеческого общежития — творческую личность.

В то же время Лю Сэньлинь отмечает: «В китайской традиции отсутствует западная метафизика... Здесь нет жесткого противопоставления низменного, эмпирического, изменчивого мира — и возвышенного, трансцендентного, вечного. Сакральное и мирское переплетены в повседневности... Отсутствие изначальной пропасти между сакральным и мирским, свойственной западной христианской традиции, в сочетании с давней секуляризацией привело к тому, что культурные идеалы с глубокой трансцендентностью уже

давно воплотились в повседневном жизненном опыте» [20. С. 10–11]. Именно поэтому Цзоу Шипэн утверждает: «Нигилизм — это тема метафизики и судьба западной истории... Для китайской традиции нигилизм, с которым она сталкивается в современном мире, является преимущественно заимствованным явлением. Если нигилизм на Западе коренится в „падении трансцендентного“ и укоренен в самой его трансцендентности, то китайская традиция, по своей сути нетрансцендентная, не могла породить нигилизм. В китайской традиции присутствуют элементы „ничто“, но они не имеют отношения к западному нигилизму. Эти элементы следует интерпретировать в рамках собственной традиции» [21. С. 49–50].

Онтологическое «ничто» не тождественно ценностному нигилизму. Концепция «ничто» была детально разработана в даосской философии и неразрывно связана с Дао как первоосновой бытия. Она несет созидательный смысл, утверждая естественное проявление жизни. Как сказано в «Дао-Дэ Цзин»: «Все вещи в мире исходят из сущего, а сущее исходит из несущего» [22. С. 135]. С распространением буддизма в Китае концепции «пустоты» (空) и «несущего» (無) интегрировались в даосское понимание «ничто». Современные китайские философы ясно артикулируют коннотативное различие, нехарактерное для западной традиции негативно-оценочной трактовки понятия «*nihil*»: «От „добродетели ничто“ Чжуан-цзы до „пустоты сердца“ Ван Янмина — „ничто“ всегда имело позитивную ценность, отличную от современного нигилизма» [21. С. 56]. Китайская традиция «ничто» «воспринимает пустоту, духовную свободу и Небесное Дао как единое целое — это образ жизни, состояние сознания и духовная практика... оказывающая внутреннее влияние на повседневность, в отличие от западного нигилизма с его негативными коннотациями» [21. С. 64].

Однако в отдельные периоды китайской истории возникали радикальные тенденции, близкие к западному нигилизму. Яркий пример — учение Сюаньсюэ эпохи Вэй и Цзинь (220–420 гг. н. э.). Как отмечает Сюй Фугуань, это «восходящий нигилизм», представленный философией Лао-цзы и Чжуан-цзы, и «нисходящий нигилизм» эпохи Вэй и Цзинь: «Нигилизм Лао-Чжуана обращен внутрь и устремлен ввысь, тогда как нигилизм Вэй-Цзинь направлен вовне и погружен в эмоции» [23. С. 563]. Последний легко скатывался в аксиологическую пропасть, становясь пессимистичным отрицанием ценностей в эпохи упадка нравов и распада ритуалов.

В XX в., когда Китай столкнулся с внутренними и внешними угрозами, западный философский нигилизм и порожденная им русская нигилистическая практика хлынули в страну, создав синергию с местной традицией «ничто». Так Ху Ши прямо цитирует и высоко оценивает идеи Ницше: «Ницше говорил, что современная эпоха — это эпоха „переоценки всех ценностей“... Эта критическая установка является общим духом движения Нового течения мысли» [24]. Чэнь Дусю причисляет народные верования, институт импера-

тора и государство к «идолам», призывая к их полному уничтожению: «Разрушать ложных идолов!.. Религиозные, политические, моральные — все унаследованные с древности тщеславные, обманчивые и нерациональные верования следует считать идолами, и все они должны быть разрушены!» [25]. В отличие от «кабинетного» метафизического нигилизма Ницше и кризиса веры китайская интеллигенция нуждалась в более масштабной и практически эффективной форме нигилизма. Начиная с 1903 г., русский нигилизм, смешавшийся с радикальными течениями революционного движения XIX в., проник в Китай и был развит в контексте «Движения за новую культуру» (1915–1923 гг.) и «Движения 4-го мая» (1919 г.).

Первоначальная рецепция китайскими академическими кругами русской нигилистической мысли происходила косвенно из японской академической среды. Книга Кэмуяма Сэнтаро «Современный анархизм» (1902 г.) стала «одним из первых в Восточной Азии всесторонних и систематических академических обзоров революционного движения России конца XIX в. и была очень влиятельной в Китае, стимулировав перевод многочисленных историй о радикальных русских „нигилистических партиях“» [26. С. 77]. С 1903 г. вдохновленная этой работой китайская интеллигенция активно вводит в дискуссии концепции русского нигилизма. 1920-е гг. считаются «периодом наибольшей концентрации нигилистического дискурса в Китае» [27. С. 34]. Чжоу Цзожэнь и Чжэн Чжэньдо стараются выявить суть нигилистической мысли, устраивая дебаты, а рамках которых обозначаются позиции нигилистического и антинигилистического лагеря. Наиболее ярким примером таких дебатов стала «Дискуссия о науке и метафизике» (1923–1924 гг.), представляющая собой идейное противостояние «базаровского» сциентистского нигилизма и синкретической метафизики. В этих спорах доминирует нигилизм, а «культурный консерватизм почти не смог оказать сопротивления» [28]. Наиболее ярким теоретиком нигилизма стал Чжу Цяньчжи, провозгласивший: «Русский нигилизм принадлежит прошлому; хотя его методология частично сохраняет актуальность, его неудовлетворительная теория требует коренного пересмотра. Цель данной работы — придать прежнему нигилизму систематизированное и обоснованное теоретическое завершение — таков мой нигилизм» [29. С. 83]. Чэнь Дусю на страницах самого влиятельного на то время прогрессивного журнала «Новая молодежь» подчеркивал, что издание пропагандирует «разрушение конфуцианства, уничтожение ритуалов и законов, ликвидацию национального наследия, отрицание целомудрия, искоренение старой этики (верности, сыновней почитательности, целомудрия), слом старого искусства (китайской оперы), отказ от старой религии (культов духов и божеств), уничтожение старой литературы и ликвидацию старой политики (привилегированного правления)» [30].

Нигилизм периода «Культурной революции» (60–70 гг. XX в.) исходит из классовой теории, механически разделяя пролетарскую и буржуазную экс-

плуататорскую культуры, что приводит к подавлению как китайской традиционной, так и органично интегрированных в нее элементов западной культуры, нанося огромный ущерб преемственности и функционированию системы традиционных ценностей. На сегодняшний день крайне значимым является вопрос о сдерживании и преодолении как обусловленного теорией классовой борьбы, так и западного буржуазного нигилизма традиционными китайскими ценностями. Цзоу Шипэн отмечает: «Восстановление отношений между традицией и современностью является фундаментальным методом сдерживания нигилизма» [21. С. 4–5].

В этой связи можно выделить два подхода к преодолению современного нигилизма западного образца в китайской философии:

1. Исходить из принципа неразрывности традиции и современности. Рамки конфуцианского «учения о середине» создает спектральное пространство выбора на уровне ценностей, утверждая, что подлинная мудрость превосходит бинарные оппозиции, достигая в динамической практике гармоничного состояния «внутренней святости и внешнего царствования» (內聖外王) конфуцианства, «действия через не-действие» даосизма или «единства сострадания и мудрости» буддизма.

2. Иметь целью дальнейшее органичное слияние традиции и современности в единое целое. Это представляется возможным, поскольку, как отметил Си Цзиньпин на Международной научной конференции, посвященной 2565-летию со дня рождения Конфуция: «Коммунисты Китая не являются ни историческими, ни культурными нигилистами» [31].

Заключение

Анализ механизма рецепции социокультурного феномена и особенностей его интеграции, произведенный в настоящем исследовании, позволяет сделать ряд выводов как о различиях, так и о наличии внутренней связи в понимании нигилизма китайской и русской мыслью, а также о его отношениях с традиционными ценностями, фундирующими цивилизационные особенности России и Китая:

1. Китайская интеллектуальная традиция начала интеграцию нигилистических тенденций в начале XX в., перенимая их концептуальные основания из русского нигилизма, оформленного на тот момент и как социокультурное явление практического характера, и как философская теория (в основном — ее критиками из среды религиозных мыслителей).

2. Нигилизм, в первую очередь, выступает против устоявшихся общественных норм и духовных ценностей, что задает специфику его отношений с традицией, однако эти отношения при сравнении русского и вдохновленного им китайского типа нигилизма оказываются не однозначными и не одинаковыми в аспекте их деструктивности.

3. Отличие типа взаимодействия нигилизма и традиционных ценностей, выработанного в рамках русской философии, от китайского типа заключается в том, что первый идентифицирует нигилизм как негативное явление, противоречащее принципу всесубъектности; китайский же тип взаимодействия подразумевает системную интегрированность нигилизма, отвечающую принципу гармонии противоположностей.

4. Концепция «ничто», конституирующая аксиологический аспект русского нигилизма, эксплицируется через отрицание духовных ценностей, характерное для материалистической философии. В Китае не наблюдается выраженной дифференцированности духовного и материального, и концепция «ничто» (суй-у, 虛無) широко представлена в основных философских школах, являясь позитивным компонентом фундирования традиционной системы ценностей. Однако через влияние русского нигилизма эта концепция трансформируется, приобретая характер воинствующего отрицания самой традиции в Китае.

5. Современные китайские философы больше внимания уделяют опыту преодоления нигилизма, сосредотачиваясь на его критике в среде русской религиозной философии, однако ряд исследователей понимает нигилистическую концепцию «ничто» как органичную для традиционной китайской культуры.

6. Как для российского, так и для китайского типа социокультурного развития деструктивным элементом является нигилизм западного образца, разрушающий цивилизационную идентичность. Однако если в Китае преодоление этих деструктивных тенденций осуществляется самой традицией благодаря ее интегративной природе, то для российской цивилизации преодоление происходит путем негации нигилизма.

Список литературы

- [1] 朱建刚. 十九世纪下半期俄国反虚无主义文学研究. 北京 : 北京大学出版社, 2015.
- [2] Чжоу Лайшунь. Проблема нигилизма в русской философии Серебряного века // Вопросы философии. 2023. № 3. С. 70–80. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-3-70-80 EDN: FNIUCC
- [3] Чжао Шунин. Обзор исследований русского нигилизма китайскими учеными // Молодой ученый. 2023. № 43. С. 372–375. EDN: EPPWST
- [4] Nietzsche F. *The Will to Power*. New York : Random House, 1968.
- [5] Дежнев В.Н., Новикова О.В. Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. Т. 28. № 4. С. 71–74. EDN: VLONZZ
- [6] Тургенев И.С. Полное собрание романов в одном томе. М. : Эксмо, 2014.
- [7] Данилевский Н.Я. Происхождение нашего нигилизма // Сборник политических и экономических статей / под ред. Н.Н. Страхова. СПб. : Типография брат. Пантелеевых, 1890. С. 232–271.
- [8] Кабанова Л.И. Русский нигилизм // Система ценностей современного общества. 2008. № 1. С. 26–29. EDN: RTZBXT

- [9] Варава В.В. Метафизические истоки радикализма и нигилизма // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2014. № 4. С. 21–27. EDN: THNMET
- [10] Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- [11] Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Собрание сочинений в 20 томах. Т. 9 / под ред. Е.А. Андрущенко, О.А. Коростелева, К.А. Кумпан. М. : Дмитрий Сечин, 2019.
- [12] Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М. : РИПОЛ классик, 2017.
- [13] Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. Общечеловеческое. М. : ООО Садра ; Издательский Дом ЯСК, 2019. EDN: TOMQRN
- [14] Гурьянова А.В., Тимофеев А.В. Традиционные ценности: концепции, подходы, идеологемы // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 75–84. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-75-85 EDN: JUMZRJ
- [15] 玛丽娜 克拉夫佐娃, 张冰. 中国文化概论: 俄文. 北京 : 北京大学出版社, 2020.
- [16] 赵馥洁. 赵馥洁文集. 第一卷, 中国传统哲学价值论. 北京 : 中国社会科学出版社, 2022.
- [17] Hall D.L., Ames R.T. Thinking Through Confucius. New York : State University of New York, 1987.
- [18] Кулиану Й. Древо гнозиса: гностическая мифология от раннего христианства до современного нигилизма. М. : Касталия, 2019.
- [19] Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Сочинения: в 2 томах. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. М. : Мысль, 1988.
- [20] 刘森林. 论中国传统思想中的价值虚无主义 // 当代中国价值观研究. 2017. № 3. С. 5–16.
- [21] 邹诗鹏. 虚无主义研究. 北京: 人民出版社, 2016.
- [22] Лао-цзы. Книга о пути жизни (Дао-Дэ цзин) / пер. с кит., сост., предисл., коммент. В.В. Малявина. М. : Издательство АСТ, 2020.
- [23] 徐复观. 徐复观全集: 论文化. 北京 : 九州出版社, 2013.
- [24] 胡适. 新思潮的意义 // 新青年. 1919. Т. 7. № 1.
- [25] 陈独秀. 偶像破坏论 // 新青年. 1918. Т. 5. № 2.
- [26] MA Xiaolu. The Transfiguration of the Russian Revolutionary Spirit: Chinese Translations of Kemuyama Sentarō's Modern Anarchism in the Early Twentieth Century // International Comparative Literature. 2022. Vol. 5. N 3. P. 77–99. DOI: 10.19857/j.cnki.ICL.20225305
- [27] 刘森林. 为什么要关注虚无主义问题? // 现代哲学. 2013. № 1. С. 26–34.
- [28] 梁启超. 论俄罗斯虚无党 // 新民丛报. 1903. № 40.
- [29] 朱谦之. 朱谦之全集. 卷二, 政治哲学 (一). 北京 : 商务印书馆, 2024.
- [30] 陈独秀. <新青年>罪案之答辩书 // 新青年. 1919. Т. 6. № 1.
- [31] 习近平. 在纪念孔子诞辰2565周年国际学术研讨会暨国际儒学联合会第五届会员大会开幕会上的讲话. 人民日报. 2014. № 2.

References

- [1] Zhu Jiangang. *A Study of Antinihilist Literature in Russia in the Second Half of 19th Century*. Beijing: Peking University Press; 2015. (In Chinese).
- [2] Zhou Laishun. The Problem of Nihilism in Russian Silver Age Philosophy. *The Problems of Philosophy*. 2023;(3):70–80. (In Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2023-3-70-80 EDN: FNIUCC

- [3] Zhao Shuning. A Review of Chinese Scholarly Research on Russian Nihilism. *Young Scientist*. 2023;(43):372–375. (In Russian). EDN: EPPWST
- [4] Nietzsche F. *The Will to Power*. New York: Random House; 1968.
- [5] Dezhnev VN, Novikova OV. Traditional Values: Towards a Definition of the Concept. *Bulletin of the Shadrinsky State Pedagogical University*. 2015;28(4):71–74. (In Russian). EDN: VLONZZ
- [6] Turgenev IS. *Complete Collection of Novels in One Volume*. Moscow: Eksmo publ.; 2014. (In Russian).
- [7] Danilevskiy NJ. The Origin of Our Nihilism. In: *Collection of Political and Economic Articles*. Strakhov NN, editor. Saint Petersburg: Tipografiya brat. Panteleevykh publ.; 1890. (In Russian).
- [8] Kabanova LI. Russian nihilism. *The value system of modern society*. 2008;(4):26–29. (In Russian). EDN: RTZBXT
- [9] Varava VV. The metaphysical origins of radicalism and nihilism. *Humanitarian Bulletin of TSPU named after L.N. Tolstoy*. 2014;(4):21–27. (In Russian). EDN: THNMET
- [10] Berdyaev NA. Spirits of Russian Revolution. In: *From the Depth*. Kolerov MA, editor. Moscow: Izd-vo Mosc. un-ta publ.; 1990. (In Russian).
- [11] Merezhkovsky DS. On the Causes of Decline and New Trends in Modern Russian Literature. In: *Collected Works in 20 volumes. Vol. 9*. Andriuschenko EA, Korosteleva OA, Kumpan KA, editors. Moscow: Dmitry Sechin publ.; 2019. (In Russian).
- [12] Frank SL. The Ethics of Nihilism. In: *Milestones: A Collection of Articles on the Russian Intelligentsia*. Teslia AA, introductory article. Moscow: RIPOL klassik publ.; 2017. (In Russian).
- [13] Smirnov AV. *All-human vs. General-human*. Moscow: OOO Sadra; Izdatel'skij Dom JaSK publ.; 2019. (In Russian). EDN: TOMQRN
- [14] Gurjanova AV, Timofeev AV. Traditional Values: Concepts, Approaches, and Ideologems. *Modern Philosophical Research*. 2025;(2):75–84. (In Russian). DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-75-85 EDN: JUMZRJ
- [15] Kravtsova ME, Zhang B. *An Outline of Chinese Culture: in Russian*. Beijing: Peking University Press; 2020. (In Russian).
- [16] Zhao Fujie. *Vol. 1: Theory of Values in Traditional Chinese Philosophy*. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences Press; 2022. (In Chinese).
- [17] Hall DL, Ames RT. *Thinking Through Confucius*. New York: State University of New York Press; 1987.
- [18] Kulianu J. *The Tree of Gnosis: Gnostic Mythology from Early Christianity to Modern Nihilism*. Moscow: Kastalia publ.; 2019. (In Russian).
- [19] Solovyov VS. The General Meaning of Art. In: *Works in 2 volumes. Vol. 2*. Gulyga AV, Losev AF, comp. and editors. Moscow: Mysl' publ.; 1988. (In Russian).
- [20] Liu Senlin. On China's Value Nihilism. *Contemporary Research on Chinese Values*. 2017;(3):5–16. (In Chinese).
- [21] Zou Shipeng. *Research on Nihilism*. Beijing: People's Publishing House; 2016. (In Chinese).
- [22] Lao Zi. *Book of the Way of Life (Dao-De Jing)*. Malyavin VV, transl., comp., foreword, comment. Moscow: AST publ.; 2020. (In Russian).
- [23] Xu Fuguan. *Complete Works of Xu Fuguan: On Culture*. Beijing: Jiuzhou Press; 2013. (In Chinese).
- [24] Hu Shi. The Meaning of the New Trend of Thought. *New Youth*. 1919;7(1). (In Chinese).
- [25] Chen Duxiu. On the Destruction of Idols. *New Youth*. 1918;5(2). (In Chinese).
- [26] MA Xiaolu. The Transfiguration of the Russian Revolutionary Spirit: Chinese Translations of Kemuyama Sentarō's Modern Anarchism in the Early

- Twentieth Century. *International Comparative Literature*. 2022;5(3):77–99. DOI: 10.19857/j.cnki.ICL.20225305
- [27] Liu Senlin. Why is it Important to Pay Attention to the Problem of Nihilism? *Modern Philosophy*. 2013;(1):26–34. (In Chinese).
- [28] Liang Qichao. On the Russian Nihilist Party. *Xinmin Congbao*. 1903;(40). (In Chinese).
- [29] Zhu Qianzhi. *Complete Works of Zhu Qianzhi. Vol. 2: Political Philosophy (Part 1)*. Beijing: The Commercial Press; 2024. (In Chinese).
- [30] Chen Duxiu. In Response to the Accusations Against “New Youth”. *New Youth*. 1919;6(1). (In Chinese).
- [31] Xi Jinping. Speech at the International Conference in Commemoration of the 2565th Anniversary of Confucius’ Birth and the Opening Ceremony of the Fifth Session of the International Confucian Association. *People’s Daily*. 2014;(2). (In Chinese).

Сведения об авторах:

Романов Дмитрий Дмитриевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-6715-3448. SPIN-код: 2163-5966. E-mail: romanov-dd@rudn.ru

Лю Яюе — кандидат филологических наук, доцент факультета русского языка, институт иностранных языков, Пекинский университет, Китайская Народная Республика, 100871, Пекин, ул. Ихэюаньлу, д. 5. ORCID: 0009-0000-9437-6727. E-mail: lyy17560127@pku.edu.cn

About the authors:

Romanov Dmitriy D. – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Social Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6715-3448. SPIN-code: 2163-5966. E-mail: romanov-dd@rudn.ru

Liu Yayue — PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature, School of Foreign Languages, Peking University, 5 Yiheyuan Rd., Beijing, 100871, People’s Republic of China. ORCID: 0009-0000-9437-6727. SPIN-code: 2606-8740. E-mail: lyy17560127@pku.edu.cn